

Альберт Бондач, Илья Смирнов

Герой и его богиня: возможности современной интерпретации трагедии «Ипполит»

Классика на то и классика, чтобы оставаться «приобретением навеки», и чтобы каждая эпоха могла открывать в ней что-то новое, важное именно сейчас. К сожалению, в последние десятилетия стала модной механическая модернизация, при которой героев просто переодевают в современные костюмы и суют им в зубы смартфон, не задумываясь, как при этом меняется (или теряется) смысл.

Феодалная власть наследственная, поэтому Ричард III у Шекспира – злодей рациональный. Он уничтожает принцев как политических конкурентов. Сейчас механизм передачи власти иной, потомство предыдущего правителя (Хрущева, Горбачева, Обамы, etc.) не представляет опасности, так что Ричард, совершающий те же самые поступки в пиджаке и галстуке, не жестокий политик, а маньяк. «Гроза» А.Н. Островского в родном контексте – трагедия, обусловленная не просто характером Катерины, но всем тогдашним положением женщин. В наше время подобная героиня – жертва собственной наивности и суеверия, ей можно сочувствовать, но смысл произведения резко сужается.

Классика обновляется не насилием над ней, а внимательным прочтением. Великие драматурги прошлого были неглупы. Проявив к ним уважение, мы открываем для себя то, в чем они опередили свое время и приблизились к нашему.

Конечно, мы вынуждены искать ракурс, выделяя те мотивы, которые найдут отклик в душе современника: «Актеры... при представлении драмы говорят не только друг с другом, но и с нами, и требуется, чтобы они были понятны обеим сторонам» (Г.В.Ф. Гегель)¹. Например, с определенного момента «Венецианского купца» невозможно было интерпретировать в духе средневековой ненависти к иноверцу. Соответственно, постановщики акцентировали внимание на тех сценах, в которых автор поднялся над родными предрассудками.

Интерпретировать – значит не воевать с первоисточником, но сотрудничать с ним, выбирая из возможного в тех пределах, которые допускает текст.

В трагедии «Ипполит» (премьера второй редакции – 428 г. до н.э.) Еврипид запечатлел и обработал для сцены миф из аттического цикла – про царевича, в которого влюбилась его мачеха Федра; не добившись взаимности, она оклеветала пасынка перед царем Тесеем и покончила с собой, а юноша стал жертвой отцовского проклятия. Вдохновленные Еврипидом, эту печальную историю пересказывали по-своему Сенека, Расин, Цветаева. Внимание смещалось в сторону Федры, важные для древних Афин сюжетные линии и персонажи выпадали, а бедный царевич в довершение всех своих несчастий предстал в некоторых сочинениях патологическим женоненавистником.

Изначальная версия не избалована вниманием наших режиссеров. След в истории оставила постановка Юрия Озаровского в Александринском театре (1902): перевод и идейное оформление Дмитрия

Федра и Ипполит. Фреска из Геркуланума

Мережковского², от которого идет трактовка «Ипполита» как предхристианского произведения: «Еврипид как будто за много веков прозревал неведомое, новое учение и носил его в душе своей»³. Откуда взялись христианские ассоциации, понятно – слишком необычен для Древней Греции такой герой, как Ипполит; но его «отшельничество» и «целомудрие», как мы увидим, совсем иной природы, чем у мучеников за веру. Так что в официальной реакции на постановку «Ипполита» в России⁴ – помилуйте, господин Мережковский, чему нас может научить язычник, если мы и так обладаем всей полнотой истины? – проявилось не только самодовольство, но и некоторый здравый смысл.

Обратимся непосредственно к пьесе. Самый популярный ее перевод на русский язык – И.Ф. Анненского (1902)⁵. Мы будем постоянно использовать еще два перевода: упоминавшийся выше – Д.С. Мережковского (1893)⁶ и новейший – В.С. Некляева (Вланеса) (2017–2023)⁷, а в ряде случаев также перевод А.И. Пиотровского (1937)⁸. Оригинал цитируется по современному научному изданию В. Штокерта в серии «Тойбнеровская библиотека»⁹. С этого же издания сделаны подстрочные переводы наиболее важных для нас фрагментов; при работе над ними использовались, кроме того, авторитетные комментарии

к подлиннику «Ипполита» (для контроля правильности понимания греческого текста)¹⁰.

Трагедия Еврипида называется «Ипполит». Не «Федра»: «...у Еврипида она явно пассивная жертва страсти, внушенной ей богиней Афродитой, а ее любовь к пасынку близка к безумию» (Б.А. Гиленсон)¹¹. Сама героиня это осознает: «Злой демон меня поразил... Вне себя я // Была... бесновалась...» (Анненский И.Ф., 241)¹². Современный служитель Асклепия добавил бы: болезнь Федры носит психосоматический характер, «...тело // И душу ей снедающий недуг» (Анненский И.Ф., 282–283) – общая интоксикация с расстройством сознания. Это категорически противоречит заявленной цели. Матери двоих детей трудно увлечь «безусого юнца» (Вланес, 11, 43), находясь в столь скверной физической форме, каковая описана у Еврипида.

Влечение Федры к пасынку того же рода, что у самонаводящейся зенитной ракеты к самолету.

Еще одна женщина, сыгравшая роковую роль в судьбе Ипполита, – Афродита. Она первой появляется на сцене и предрекает юноше скорую гибель (Анненский И.Ф., 56–57):

Не чует он, что Адовы врата
Уж для него открыты... и что солнца
Последнего он пьет теперь лучи...

Перед нами не просто соблазнительная красотка, развлекающая небо и землю скандальными новостями о своих романах с бессмертными и смертными.

По основным версиям, она принадлежит к старшему (доолимпийскому) поколению богов. «Афродита старше Зевса и является одной из первичных хтонических сил»¹³. Ее сын от благородного пастуха Анхиса – Эней – почитался как первопредок римского народа, покорившего всю Грецию и большую часть тогдашней Ойкумены. Через Энея возводил к богам свою родословную Юлий Цезарь.

Еврипид признал за Афродитой особое могущество (Анненский И.Ф., 1268–1269):

Х о р
О Киприда, суровую душу людей
И богов железную волю
Ты, богиня, сгибаешь.

Во многих греческих трагедиях движущей силой выступает безличная сила судьбы, первопричина бед скрыта в далеком прошлом, за рамками описываемых событий – как подлый поступок Лая, навлекший проклятие на весь фиванский царский дом. В трагедии Еврипида злой рок имеет лицо, имя и ясный мотив. «Золотая Афродита» (Анненский И.Ф., 765–766) после приговора Ипполиту сформулирует замечательную правовую норму: ради справедливого возмездия не жалко и невинного уничтожить.

Чтобы не сводить образ к примитивному злодейству, отметим, что царевич перед ней действительно виноват. Наверное, взрослая и умная, она могла бы проявить снисхождение. Но если христиане смакуют историю о том, как святой Николай наказал параличом, безумием и смертью молоденькую девушку за безобидную шутку с его иконой¹⁴, то и языческая богиня могла всерьез обидеться за неуважение к своей статуе.

Что до главного героя, то с разных сторон – сверху (Афродита) и снизу (прислуга) – отмечается его крайняя молодость. «Юнец» (Вланес, 43), «безусый Ипполит» (Вланес, 11)¹⁵, «дитя» (Анненский И.Ф., 611, 613, 615), даже «молокосос» (Вланес, 118). В оригинале: νεανίαν – «юноша» (43), τέκνον – «ребенок», «дитя» (611, 615), παῖ – «ребенок», «дитя» (613)¹⁶, τις ὕφ' ἥβης – «кто-то по причине отроческого возраста» (118). При этом у «ребенка» имеются убеждения, резко расходящиеся со всем кругом представлений древнего грека. Он равнодушен к политике, его устраивает, что наследниками отца станут дети от Федры (Анненский И.Ф., 1013–1015):

Иль быть царем так сладостно для тех,
Кто истинно разумен? Ой, смотри,
Здоров ли ум, коли корона манит.

Конечно, он – «сын амазонки» [Анненский И.Ф., 351], т. е. его происхождение наполовину варварское и не вполне законное. Но это не отражается на реальном статусе Ипполита и самых непринужденных отношениях с отцом («...может быть, мы бросим шутки, царь...» (Анненский И.Ф., 923)). Напомним, что законность наследования самим Тесеем царской власти сомнительная: мать Тесея не была официальной супругой предыдущего царя Эгея, да и отцовство под вопросом.

Из рекомендованных порядочному эллину занятий Ипполита интересует только спорт, он читает подозрительную литературу, отрицает брак, соблюдает экзотическую диету и большую часть времени проводит

Ю. Юрьев – Ипполит. «Ипполит».
Александринский театр. 1902

среди дикой природы, собрав нечто вроде неформальной группировки ровесников. Но он хороший мальчик. Представьте, что будет, если в наше время дворник станет поучать сына губернатора. Когда же раб делает замечание Ипполиту, тот отвечает на критику не без иронии, но по существу. А потом пускает под откос собственную жизнь, чтобы не нарушить слова, данного – кому? Служанке.

Вот еще современная аналогия. Представьте себе человека, который сам, по собственной совести, возьмется решать, кого из начальников слушать, а кого посылать лесом (трезенским). А наш герой сам выбирает, кого из богов уважать (Анненский И.Ф., 104–107).

И п п о л и т

Бог, дивный лишь во мраке, мне не мил.

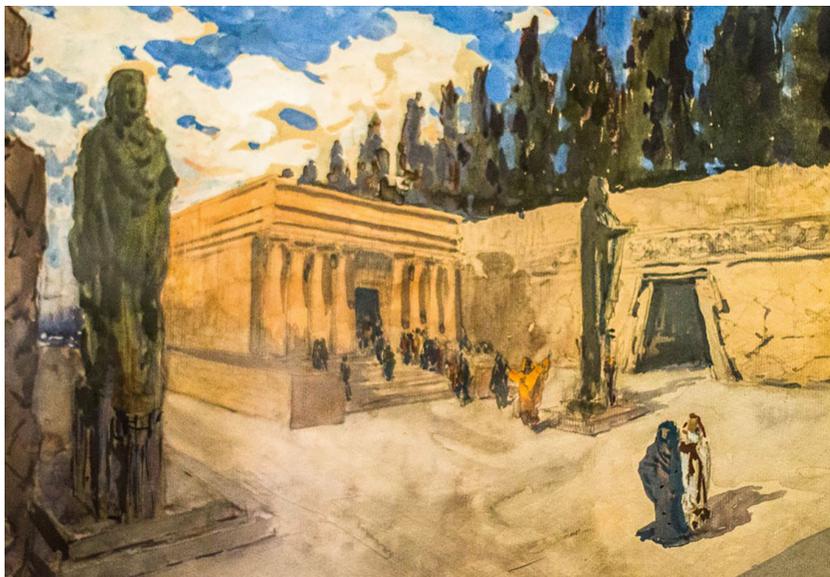
С т а р ы й р а б

Дитя, воздай богам, что боги любят.

И п п о л и т

Кому один, кому другой милее,

И из богов, и меж людей, старик.

Л.С. Бакст. Эскиз к спектаклю «Ипполит». Александрийский театр. 1902

М. Халлеран в комментариях к Еврипиду указывает на то, что словом *πολέμιος*, которым царевича назвала Афродита, обозначается «скорее военный или политический противник (в отличие от врага личного)... разграничение ни в коем случае не жесткое... но может подразумевать Ипполита в роли *θεομάχος*, “того, кто сражается с богами”» (буквально «богоборца»)¹⁷.

Реализм древнего автора в том, что главному герою, наряду с достоинствами, присущи слабости, свойственные возрасту: самонадеянность, хвастовство, восторженная увлеченность умозрительными идеями. Существенно и то, как характеризует Ипполита Тесей, провожая сына в изгнание (Анненский И.Ф., 1080–1081):

Да, сам себе ты был всегда кумир;
Родителей бы лучше почитал ты.

Почему такой юноша не стал любовником своей мачехи?

Первый и совершенно очевидный ответ: а как должен был поступить царевич в ответ на признание Федры, переданное ему через Кормилицу? Сожительство с женой отца на глазах многочисленной

прислуги, обрекая себя на позор и суровую кару, предусмотренную для предателей?

Но возможны и другие варианты ответа. Например, Ипполит от природы вообще вне отношений пола. Или он гомосексуалист-женоненавистник. Эта версия при желании подпирается ссылкой на пламенную речь о женской подлости. Но эта речь была произнесена в ответ на «дипломатическую» миссию Кормилицы, воспринятую молодым человеком как тяжкое и совершенно незаслуженное оскорбление (Анненский И.Ф., 651–652):

Отца
Священное она дерзнула ложе
Мне, сыну, предлагать.

Когда мотивация из области сексопатологии была не в моде, для объяснения, почему Ипполит равнодушен к Федре, вводился новый персонаж – девушка-соперница, «юная афинянка знатного происхождения по имени Арикия» (Ж. Расин)¹⁸. Но зачем вообще понадобилось дополнять Еврипида, ведь избранница героя изначально присутствовала в списке действующих лиц трагедии?

Ипполит впервые появляется на сцене с цветами для нее, он не забывает о ней ни в радости, ни в горе (82–85).

И.Ф. Анненский	Вланес
...милая царица, для твоих Волос златисто-белых их свивала Среди людей безгрешная рука. Один горжусь я даром – быть с тобою...	...ты золото волос повязкою укрась, моим смиренным даром! Я правом наделен, один из всех людей, с тобою пребывать, обмениваться речью...

В финале царевич смертельно ранен, боль чрезмерна для его сил, и он берет себя в руки только при появлении той единственной, имя которой Артемида. На взаимность чувств Ипполита и его избранницы указывает главный эксперт по этой части – Афродита. Ее слова в разных переводах (15–19):

И.Ф. Анненский	Д.С. Мережковский
<p>А меж богов сестры милее Феба И Зевсовой нет дочери ему... И с чистою среди зеленой чащи Не знает он разлуки. Своры он По зверю там гоняет с нею рядом, Сообществом божественным почтен...</p>	<p>Он гордую и девственную чтит Дочь Зевсову, ее одну считает Великою, в тени зеленых рощ Охотится с надменной Артемидой, И более, чем смертный заслужил, К себе его приблизила богиня.</p>
А.И. Пиотровский	Вланес
<p>Дочь Зевса Артемиду почитает он Среди бессмертных величайшей. День за днем В лесу зеленом с девушкой-богинею Он зверя гонит псами быстроногими, Прославлен выше доли человеческой.</p>	<p>...а Фебову сестру, дочь Зевса, Артемиду, считает больше всех достойной поклоненья. В зеленые леса он убегает к деве и там, ловя зверей стремительными псами, обычный человек, общается с богиней.</p>

Оригинал и подстрочный перевод:

<p>Φοίβου δ' ἀδελφὴν Ἄρτεμιν, Διὸς κόρη τιμᾶ, μεγίστην δαιμόνων ἡγούμενος, χλωρὰν δ' ἀν' ὕλην παρθένω ζυνὼν ἀεὶ κυσὶν ταχείαις θήρας ἐξαιρεῖ χθονός, μεῖζω βροτείας προσπεσῶν ὀμιλίας.</p>	<p>А Феба сестру, Артемиду, дочь Зевса, он почитает, признавая ее величайшей из божеств, и в зеленом лесу, общаясь с девой, всегда быстрыми псами истребляет зверей, поддерживая [с ней] отношения более близкие, чем подобает смертным.</p>
--	--

М. Халлеран переводит *παρθένω ζυνὼν* (в нашем подстрочнике – «общаясь с дево́й»); другие варианты перевода причастия *ζυνὼν* – «живя с кем-либо», «имея связь с кем-либо») на английский как «consorting of the virgin», поясняя: «Не стоит усматривать в этих словах предположение о сексуальной близости... (хотя *συνεῖναι* + *dat.* – обычный эвфемизм для

Афродита – Венера Капуанская.
Римская копия II в. с греческой
скульптуры

полового сношения), но они по крайней мере указывают на неестественность союза»¹⁹. У.С. Барретт обращает внимание, что словосочетание *γυναικί ξυνών* («имея [половую] связь с женщиной») выглядело бы вполне нормально, тогда как замена «женщины» на «деву»/«девушечку» придает этому выражению характер оксюморона; комментатор полагает, что таким образом Афродита «презрительно подчеркивает неестественный аскетизм Ипполита»²⁰.

На ту же соперницу указывает и несчастная Федра. Вланес в комментарии к переводу трагедии (215–222) объясняет ее фантазии про горы, лес и фессалийское копье именно завистью: «Другими словами: почему я не могу быть Артемидой, чтобы Ипполит боготворил *меня*, а не ее? Чем она лучше меня? Я такая же прекрасная и умная» [курсив Вланеса. – А. Б., И. С.].

И главное: под конец трагедии сама Артемида полностью подтверждает мнение «ненавистой» Афродиты о своих отношениях с героем (1393–1394).

И.Ф. Анненский	Д.С. Мережковский
И п п о л и т Ты здесь со мной, со мною, Артемида? А р т е м и д а Она с тобой, любимый, бедный друг.	И п п о л и т Мне легче... Здесь, со мной – моя богиня! А р т е м и д а Здесь та, кого любил, мой бедный сын ²¹ , Ты больше всех богов!
А.И. Пиотровский	Вланес
И п п о л и т Ты здесь, со мною, Артемида милая! А р т е м и д а С тобою, злополучный и любимый друг.	И п п о л и т Ко мне сюда пришла богиня Артемида! А р т е м и д а Да, бедный мой! Пришла любимая богиня!

Оригинал и подстрочный перевод:

<p>Ἰπ. ἔστ' ἐν τόποισι τοισίδ' Ἄρτεμις θεά. Αρ. ὃ τλήμων, ἔστι, σοί γε φίλτάτη θεῶν.</p>	<p>И п п о л и т Здесь находится богиня Артемида. А р т е м и д а О, несчастный! Да, она здесь, [та, которая] для тебя милее всех богов.</p>
--	--

Именно она – вдохновительница юношей из свиты Ипполита, можно сказать, его товарищей по фан-клубу Артемиды. Еще в детстве «сестра Феба» додумалась до того, что ради сохранения свободы и независимости нужно запретить себе физическую близость, брак и деторождение (см. посвященный ей гимн Каллимаха)²². С учетом реального положения женщины в Древней Греции (и отсутствие контрацепции даже среди богов) можно понять мотивы такого радикализма. Здесь-то и возникает конвергентное сходство с аскетической традицией в христианстве.

Артемида. Садовый корпус Академии художеств, Санкт-Петербург

Частная фронда Артемиды (отказ от роли, отведенной женщинам) затронула сферу интересов старшей богини – Афродиты. Отсюда конфликт, в котором Ипполит, естественно, на стороне своей подруги. Мы не знаем, додумались они до этого вместе (в ходе долгих бесед на лоне природы) или молодой человек творчески развил мысль так, что получилась вопиющая ересь: боги бывают хорошие и плохие, а человеку дано право их оценивать и выбирать.

Отношения в нашей паре платонические, что естественно сразу из-за нескольких факторов:

1. Возраст героя. Именно в юности романтика легко отделяется от «грязной» эротики. «Любовь – это только лицо на стене, // Любовь – это взгляд с экрана» («Наутилус Помпилиус»).

2. Специфические взгляды на близость, усвоенные героем от его олимпийской подруги.

3. Колоссальная дистанция, не просто социальная, но, выражаясь современным языком, межвидовая.

Жозеф Дезире Кур. Смерть Ипполита

Интересно, что Актеон, не симпатичный «прекраснейшей из дев» (Мережковский Д.С., 66), мог себе на беду оценить ее физическую привлекательность. Ипполит же говорит, что счастлив «голосу внимать, лица не видя» (Анненский И.Ф., 86), хотя знает, как выглядит его избранница: «...Милая царица, для твоих // Волос златисто-белых...» (Анненский И.Ф., 82). Между тем в античной традиции общение смертных героев с божествами бывает довольно тесным, зачастую бытовым и даже сексуальным. Наш случай – исключительный.

И к чему же приводит Еврипид эту сверхчеловеческую *love story*?

Явление Артемиды сперва Тесею, потом Ипполиту – вроде бы пример «бога из машины». Классический прием античной (и не только) драматургии. Что бог (король, секретарь обкома КПСС, etc.) должен сделать? Разрулить ситуацию и вывести вынутую мораль для благодарной аудитории. Именно так обычно трактуется финал «Ипполита».

Но дистанционный роман Артемиды серьезнее физических интрижек ее отца и брата со смертными (обоих полов). И роль ее в пьесе не протокольная («Deus ex machina»), а принципиальная. Да, поначалу она ведет себя, как ей и положено по канону. Высокомерно (она же «надменная», «гордая», etc.) объясняет Тесею, почему тот неправ по отношению

к сыну. Но по ходу монолога меняется тон и жанр. Богиня оправдывается (хотя ее не обвиняют, да и кто бы посмел?) [1332–1335; выделено нами. – А. Б., И. С.]:

И.Ф. Анненский	Д.С. Мережковский
О, если бы не страх, что оскорблю Я Зевса, как хранителя законов, Иль, думаешь, я бы подъяла стыд , Любимого из смертных уступая Богам земли?	Не то, поверь, не стала бы терпеть ²³ Я, гордая, такого униженья , Чтоб из людей того, кто для меня Дороже всех, невинного казнили.
А.И. Пиотровский	Вланес
И не страшись я Зевса, никогда бы, знай, Стыда не приняла я и богам земли Того не уступила, кто из смертных всех Был для меня милее.	Пойми, что если б я так Зевса не боялась, не допустила б я такого униженья – позволить умереть тому, кто был мне ближе всех жителей земли!

Оригинал и подстрочный перевод:

ἐλεῖ, σάφ' ἴσθι, Ζῆνα μὴ φοβουμένη οὐκ ἄν ποτ' ἦλθον ἐς τόδ' αἰσχύνης ἐγὼ ὥστ' ἄνδρα πάντων φίλτατον βροτῶν ἐμοὶ θανεῖν εἶσαι.	Ибо, пойми как следует, если бы я не боялась Зевса, я бы никогда не дошла до такого позора – позволить умереть человеку, который для меня милее всех смертных.
--	--

Перед этим она сообщает, что у богов есть закон: не противиться осуществлению желаний друг друга; Зевс же, как «гарант правопорядка», надо полагать, следит за его соблюдением. Но никаких упоминаний о подобном законе взаимного непротивления в древнегреческих мифах нет. Наоборот, примеры прямо противоположного поведения небожителей, вплоть до драк, встречаются многократно: в гомеровском эпосе, «Орестее» Эсхила, мифах о Геракле и др. (см. у В.Н. Ярхо выразительный пример: Афина – Посейдон, между ними Одиссей)²⁴. Важно отметить,

однако, что в тексте «Ипполита» слова о существовании этого закона вложены в уста конкретной героини и потому должны восприниматься в контексте всей ее речи и сложившейся ситуации. «Артемиде не может... выразить возмущение действиями Афродиты, не представив какого-то объяснения собственной неспособности этому противостоять» (У.С. Барретт)²⁵.

Она признается в любви к Ипполиту, в ненависти к Афродите, в том, что сама страдает вместе с отцом героя, выдает олимпийские технологии власти (довольно циничные). И когда приносят смертельно раненого юношу, происходит замечательный диалог, в котором реплики Артемиды – сплошные несообразности и противоречия. Некоторые отмечены в литературе: «...в стихе 1396 она говорит, что страдает, но не имеет права плакать. Эти слова скорее подходят смертной женщине, глубоко переживающей утрату близкого и едва сдерживающей свои слезы. Здесь Еврипид также не считается с традицией образа Артемиды – Артемиде у Гомера плачет (II. XXI.496; XXI.505)» (Н.А. Демина)²⁶. Поэмы Гомера для афинской аудитории – настольная книга, невозможно поверить, что драматург забыл столь яркий эпизод.

Дальше следует утверждение, что богине нельзя смотреть на смерть. Одна из главных специализаций Артемиды – «смиряющая стрелами» (Вланес, 1451, прим. 154), т.е. смертей она видела больше, чем ветеран спецназа.

О Артемиде, богиня великая, дочь громовержца,
Тихой стрелой твоею меня порази и из тела
Выведи душу мою...²⁷

А.Ф. Лосев даже обозвал ее богиней смерти²⁸.

Пытаясь утешить умирающего, она – в полном соответствии со своей военно-учетной специальностью – обещает отомстить, сделав то же самое, за что осуждала Афродиту: застрелить ни в чем не повинного человека, все равно кого, лишь бы он был дорог ненавистной сопернице.

Если исходить из презумпции авторской добросовестности (а Еврипид не давал оснований в себе сомневаться), то как все это понимать? Б. Нокс трактовал сцену прощания таким образом: Артемиде с холодной настойчивостью отделяет себя от умирающего друга, они с Афродитой – «роли, которые можно легко поменять <...> Эти божества в обоих смыслах слова, буквальном и метафорическом, бесчеловечны»²⁹. В.Н. Ярхо прямо обвиняет Артемиду в «предательском попустительстве»³⁰.

Абель де Пюжоль.
Асклепий оживляет Ипполита

Тогда ее речи – эталон цинизма и лицемерия. Но для этого они кажутся слишком эмоциональными и непродуманными.

Мы не вправе полемизировать с авторитетными исследователями Древней Греции по поводу того, как эллины воспринимали своих богов, для нас важно, что тогдашние теология и этика не вполне понятны современной аудитории. Для нее олимпийские красавицы будут прежде всего живыми женщинами. Поведение Афродиты аморально, но мотивировано всем текстом и легко может быть представлено актрисой: вот я – красивая, умная, взрослая, и вдруг какая-то девчонка (по основной мифологической версии Артемида ей – внучатая племянница) сама не проявляет уважения, да еще поклонника подстрекает, чтобы он, ничтожный, оценивал хозяев жизни.

Предположим, мы согласились с версией, что подружка главного героя предательница, которой не хватило ума даже на связное оправдание. Но из этого следует, во-первых, конфликт с автором пьесы, а во-вторых, крушение центрального образа – ведь Ипполит до последних мгновений жизни предан своей избраннице (1451). Выходит, никакой он не герой,

Подвиги Тесея. V в. до н. э.

а жертва собственной глупости: проводя современную аналогию, один из тех молодых людей, которых можно легко обмануть: «Привет, я дочка Трампа, пожалуйста, в знак нашей любви подожги банкомат...» За что же в таком случае его воспевают Хор? Какой интерес представляют его взгляды? И в чем состоит трагедия? При таком подходе она лишается смысла.

Остается одно-единственное объяснение финала – опирающееся на текст и психологически достоверное. Артемиде – в растерянности, переходящей в отчаяние, она (да простят нас олимпийские боги) сама не понимает, что говорит. Как у Чехова: «О, боже мой, боже мой! Я все забыла, забыла... у меня перепуталось в голове...»³¹

Самый дорогой ей человек умирает у нее на глазах, значительная доля вины – на ней, как бы она ни оправдывалась. Ведь это она вовлекла влюбленного в нее юношу в смертельно опасное противостояние и не сумела его защитить. Вне зависимости от «закона», она могла предупредить Ипполита, чтобы тот не повторял за ней оскорбительные выпады против других богов.

Выходя за рамки произведения, отметим, что в мифологической традиции у каждого бога, кроме олимпийского величия, есть личные

особенности: Гефест – работяга, Арес – буйный, Гермес – жуликоватый, etc. Артемида в основной своей ипостаси – юная девушка, отсюда образ жизни и круг интересов. Ее поступки, как добрые, так и злые (вплоть до жутких), – импульсивные, лицемерие ей совершенно не свойственно.

Логичнее предположить, что другу она не успела помочь просто по легкомыслию. Отвлекшись на что-нибудь, заигравшись.

Артемида в финале трагедии Еврипида уходит именно для того, чтобы не расплакаться, окончательно теряя олимпийское достоинство.

Поставлена под сомнение не только ее самооценка («я, гордая, такого униженья...») – треснул весь порядок, по отношению к которому она осуществляет «силовое сопровождение» (как сказали бы в XXI в.). Юная богиня (бедная девочка) воспроизводит формулировки тогдашних методичек (про справедливых богов, которые зря не наказывают (1339–1341)) в анекдотическом противоречии с обстоятельствами и ее собственными словами про конкретные проявления этой справедливости: «Если хочет бог, злодеем станет всякий» (Вланес, 1433–1434). Она осуждает Тесея за то, что он признал сына виновным без суда и следствия, но чем лучше Посейдон? Разве он проверил информацию, прежде чем привести в исполнение смертный приговор Ипполиту? Или бог – тупое механическое орудие вроде кирпичика?

Артемида с Ипполитом успели подсчитать жертв: трое (сам Ипполит, Тесей, Федра (1403–1404)). На самом деле – четверо. Не зря в пьесе повторяется мысль об исключительном могуществе Афродиты (Анненский И.Ф., 359–361):

Киприда – ты не бог,
Ты больше бога. Кто б ты ни была,
Но Федру, и меня, и дом сгубила.

Такое специфическое торжество богини любви.

Особый интерес представляет образ Тесея. В столкновении с сыном-вольнодумцем он – типичный охранитель; читатель и зритель оценит, как мало изменился этот образ мысли на протяжении тысячелетий, но афинского царя можно понять в контексте героической биографии, известной во времена Еврипида каждому его земляку. Смелый и умный, Тесей посвятил жизнь тому, чтобы обеспечить благополучие своего небольшого кусочка Эллады в рамках существующего миропорядка. И вот в финале выясняется, что он не может защитить от этого порядка даже собственную семью.

Б. Нокс: «То, что произошло, не аномалия, так действует система божественного управления миром»³² (ср. у М. Халлерана: «Могущество богов очевидно, их правота – нет»)³³. Свое поражение в столкновении не только с конкретным божеством, а со всей «системой управления» Ипполит переносит достойно.

И.Ф. Анненский	Д.С. Мережковский
<p>Т е с е й Затмение, ужасный дар богов... И п п о л и т Увы! Увы! Их наши-то проклятья не достигнут...</p>	<p>Т е с е й Богами был мой разум омрачен!.. И п п о л и т Зачем проклясть богов не могут люди!</p>
А.И. Пиотровский	Вланес
<p>Т е с е й Да, божья воля отемнила разум мой. И п п о л и т Ой-ой! Людей проклятья пусть богов настигли бы!</p>	<p>Т е с е й Да, боги у меня весь разум отобрали! И п п о л и т Как тошно мне! Зачем нам не дано проклясть богов казнящих!</p>

Оригинал и подстрочный перевод:

<p>Θη. δόξης γάρ ἡμεν πρὸς θεῶν ἐσφαλμένοι. Ил. φεῦ· εἶθ' ἦν ἀραῶν δαίμοσιν βροτῶν γένος.</p>	<p>Т е с е й Ведь мы были введены в заблуждение богами. И п п о л и т Увы! Если бы род смертных мог навлечь проклятье на богов.</p>
---	---

Он понимает суть происходящего (1414–1415): – но не хочет дополнительно ранить ту, которую любит, позволяя себе легкий укор (Анненский И.Ф., 1440–1441).

Будь счастлива, блаженная, и ты
Там, в голубом эфире... Ты любила
Меня и долго, но легко оставишь...

Оригинал и подстрочный перевод:

χαίρουσα καὶ σὺ στεῖχε, παρθέν' ὀλβία· μακρὰν δὲ λείπεις ῥαδίως ὀμιλίαν.	И ты, блаженная дева, иди – и прощай; Долгие же [наши] отношения ты легко оставляешь.
---	--

Такого героя, который ничего не завоевал и никого не убил, смутьян Еврипид поднимает и над великим политиком Тесеем (для Афин примерно как Дж. Вашингтон для Соединенных Штатов или Ленин для СССР), и над всеми богами, включая его избранницу. И венчает в финале: «Будут слезы журчать и струиться, потому что страдания героев остаются в легендах навеки» (Вланес, 1464–1466).

Без натужной модернизации открывается широкий простор для современной (даже опасно современной) постановки древней пьесы. Новые технологии предоставляют невиданные прежде возможности сценического воплощения мифа. Посейдон на гребне гигантской волны, чудище, атакующее колесницу, превращения живых женщин в собственные статуи (и обратно).

При этом текст трагедии дает основания решать ее ключевые эпизоды приемами психологического театра. Нашим актерам, воспитанным в системе Станиславского, здесь есть что играть. Согласитесь, интересная задача – показать характер Ипполита не просто героическим, но живым, порою смешным. Сыграть, как его подруга у нас на глазах превратится из надменной повелительницы в растерянную девочку. То, как Федра пытается противостоять безумию, напоминает популярный сюжет триллеров, в которых внешняя злая сила проникает в мозг и постепенно подчиняет себе человека («Сияние» или «Томминокеры» Стивена Кинга).

Казалось бы, зачем нам Еврипид? Стоит ли вновь перечитывать старые сказки? Ведь не чудище Посейдона угрожает нашим гражданам на большой дороге, а совсем другие персонажи. Однако сказками скорее являются произведения, претендующие на бытовую достоверность, например, современные детективы: чем точнее узнаваемые детали, тем фантастичнее общая картина.

Л.С. Бакст. Эскиз костюма Вестника.
«Ипполит». Александринский театр.
1902

Если в пьесе Еврипида нас смущают сверхъестественные существа, легко представить их не богами, а статусными персонами, элитой, селебрити – мало ли титулов у хозяев жизни. Это вполне логично уляжется в сюжет: «VIP-персона» определенного ранга легко расправляется с непочтительным юнцом (а заодно и с целой семьей, кто там считает). И механизм расправы – не ножом из-за угла, а официальным порядком, через бога Посейдона, и не за то, чем Ипполит на самом деле разгневал высшие силы, а за фейковое «сексуальное преступление». Me too.

Что еще кажется устаревшим? Молодежный эскапизм, будто списанный древнегреческим драматургом с субкультур XX–XXI вв? Или то, что «человек с ружьем» (с луком, с фессалийским копьем) мучительно разрывается между лояльностью и реальностью?

Представив пьесу Еврипида как историю молодой любви – первой и последней, – можно сохранить философскую и богословскую проблематику, включая вечный вопрос оправдания божества (теодицеи). «Ипполит» на то и трагедия, что гибель героя – результат не частной, а тотальной несправедливости, и отмщение за него возможно только через умножение бессмысленного зла.

- ¹ Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. / [Под ред. и с предисл. Мих. Лифшица; Пер. с нем. Б.Г. Столпнера]. Т. 1. М.: Искусство, 1968. С. 274.
- ² См.: «Ипполит», Еврипид (Эврипид), Озаровский Ю.Э., 14.10.1902 // Коллекция Александринского театра: [Сайт]. URL: <https://collection.alexandrinsky.ru/entity/SPEKTAQL/3564919> (дата обращения: 19.02.2025).
- ³ Мережковский Д.С. Трагедия целомудрия и сладострастия // Мережковский Д.С. Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы / Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. (Литературные памятники). С. 302.
- ⁴ Бронзов А.А. «Нужно» ли «учиться христианству из Ипполита» – Еврипидовой трагедии? // *Христианское чтение*. 1903. №4. С. 614–628; №5. С. 760–786; №8. С. 173–199.
- ⁵ *Еврипид*. Ипполит // Еврипид. Трагедии: В 2 т. / Пер. с древнегреч. И. Анненского; Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо. Т. 1. М.: Ладомир; Наука, 1999. (Литературные памятники). С. 168–230.
- ⁶ *Еврипид*. Ипполит // Эсхил. Софокл. Еврипид. Трагедии / Пер. с греч. Д. Мережковского; Вступ. ст. и примеч. А.В. Успенской; Сост. и подгот. текста Г.Г. Мартынова. М.: Ломоносовъ, 2009. С. 346–400.
- ⁷ [*Еврипид*.] Ипполит / Пер. с древнегреч. [и примеч.] Вланеса // URL: https://evripid.com/wp-content/uploads/2023/07/HIPPOLYTOS_with_notes_July_2023.pdf (дата обращения: 19.02.2025).
- ⁸ *Еврипид*. Ипполит // Еврипид в переводе Адриана Пиотровского / Публ., подгот. текста, сост. и примеч. К.В. Львова; вступ. ст. Л.Б. Сумм. М.: ОГИ, 2024. С. 380–453.
- ⁹ *Euripides*. Hippolytus / Ed. W. Stockert. Stuttgartiae; Lipsiae: In aedibus V.G. Teubneri, 1994. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana).
- ¹⁰ *Euripides*. Hippolytus / Ed. with Introd. and Comment. by W.S. Barrett. Oxford: Clarendon Press, 1964 (далее – Barrett); *Euripides*. Hippolytus / With Introd., Transl. and Comment. by M. R. Halleran. Warminster: Aris & Phillips, 1995 (далее – Halleran).
- ¹¹ Гиленсон Б.А. История античной литературы: Учеб. пособие для вузов: В 2 кн. Кн. 1: Древняя Греция. М.: Флинта; Наука, 2001. С. 248.
- ¹² Здесь и далее при цитировании «Ипполита» в скобках указываются фамилия переводчика (при необходимости номера) и номера строк (согласно нумерации, принятой в изданиях греческого оригинала).
- ¹³ Лосев А.Ф. Афродита // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1: А–К. С. 132.

- ¹⁴ См., напр.: *Варсегов Н.* Танцун с иконой, богохульница Зоя окаменела // *Комсомольская правда*. 2004. 1 ноября. URL: <https://www.kp.ru/daily/23394/33533/> (дата обращения: 19.02.2025).
- ¹⁵ В данном случае эпитет «безусый» представляет собой произвольное дополнение переводчика (в оригинале: Ἰππόλιτος ‘Ипполит’). Ср. в других переводах: «надменный Ипполит» (Анненский), просто «Ипполит» (Мережковский).
- ¹⁶ При всей схожести основных значений слов τέκνον и παῖς следует учитывать, что у трагиков τέκνον употреблялось преимущественно тогда, когда речь шла о ребенке в связи с его матерью (видимо, потому, что τέκνον образовано от глагола τίκτω «рождать», «рожать»); из-за этого один и тот же человек мог быть назван, например, «παῖς Агамемнона и τέκνον Клитемнестры» (*A Greek-English Lexicon / Compiled by H.G. Liddell and R. Scott, revised... by H.S. Jones...; With a revised supplement 1996. Oxford, 1996. P. 1768*). Впрочем, конкорданс к Еврипиду показывает, что у этого автора τέκνον могло означать и ребенка по отношению к его отцу (см.: *Allen J.T., Italic G. A Concordance to Euripides. Berkeley; Los Angeles; London, 1954. P. 610*).
- ¹⁷ Halleran. P. 151.
- ¹⁸ *Расин Ж.* Федра, предисловие / Пер. М.А. Донского // *Расин Ж.* Трагедии / Изд. подгот. Н.А. Жирмунская, Ю.Б. Корнеев. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1977. (Литературные памятники). С. 244.
- ¹⁹ Halleran. P. 148.
- ²⁰ Barrett. P. 157.
- ²¹ Слово «сын» добавлено переводчиком; оно отсутствует в оригинале и не требуется контекстом. Перевод поэзии должен уложиться в размер. Но в данном случае возможен другой мотив. См. выше о концепции Мережковского, под которую вольно или невольно подстраиваются поэтические образы.
- ²² *Каллимах.* Гимны III, 4–6: «...Еще девочкой малой, // Сидя на отчих коленях, она лепетала умильно: // “Папенька, ты подари мне дар векового девства...”» (рус. пер. С.С. Аверинцева цитируется по изд.: *Александрийская поэзия: Переводы с древнегреческого / Сост. и предисл. М. Грабарь-Пассек. М.: Худ. лит., 1972. С. 107*). Если принимать всерьез установку «секс = грех и грязь», «безбрачие = чистота», героиня могла бы со стопроцентной эффективностью отделить себя от загрязнителей, избрав облик Гидры или Харибды. Но она, напротив, одна из самых красивых олимпийских богинь,

и именно в таком качестве прославляется юными поклонниками (61–71 и др.).

- ²³ При таком переводе исчезает мотив страха Артемиды перед Зевсом. Между тем теоретически не исключена версия, что конфликт между богинями доведен до высшей инстанции, которая приняла решение в пользу Афродиты, и не потому что та ближе к престолу, а потому что Артемиды взяла под покровительство опасного еретика.
- ²⁴ *Ярхо В.Н.* Драмаургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М.: Худ. лит., 1978. С. 258.
- ²⁵ Barrett. P. 401.
- ²⁶ *Демина Н.А.* Образ Артемиды в трагедии Еврипида «Ипполит» // Ан-тичный мир и археология: Межвуз. науч. сб. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 99.
- ²⁷ *Гомер.* Одиссея XX, 61–63 (рус. пер. В.А. Жуковского цитируется по изд.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 6: Переводы из Гомера: «Илиада». «Одиссея» / Ред. В.С. Киселев, А. С. Янушкевич. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 290).
- ²⁸ См.: *Лосев А. Ф.* Гомер. М.: Учпедгиз, 1960. С. 293.
- ²⁹ *Knox В.М. W.* The Hippolytus of Euripides // Oxford Readings in Greek Tragedy / Ed. by E. Segal. [Oxford]: Oxford University Press, 1983. P. 331, 330.
- ³⁰ См.: *Ярхо В.Н.* Драмаургия Еврипида и конец античной героической трагедии // Еврипид. Трагедии: В 2 т. Т. 1. С. 579–580.
- ³¹ *Чехов А.П.* Три сестры. Действие 3 (*Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. Т. 13: Пьесы. 1895–1904. М.: Наука, 1986. С. 166).
- ³² *Knox В.М. W.* Op. cit. P. 327.
- ³³ Halleran. P. 41.